

Говард Филлипс Лавкрафт

Несказанное

(The Unnamable)

Мы сидели на старом кладбище в Эркхеме, на полуразрушенном надгробии семнадцатого века и спорили о том, что обычно называют «несказанным». Осенний день близился к концу. Глядя на огромную иву, ствол которой почти опрокинул старую надгробную плиту со стершейся надписью, я неожиданно для себя вслух подумал о том, чем жуткая кладбищенская почва должна была питать мощные корни. Мой друг упрекнул меня за подобные мысли и сказал, что раз новых захоронений здесь не происходило уже больше века, то почва и, следовательно, питание деревьев были вполне обычными. Кроме того, добавил он, мои постоянные рассуждения о непостижимом и несказанном были довольно примитивным приемом, впрочем вполне соответствующим уровню моих весьма скромных литературных успехов. Я чересчур часто заканчивал свои рассказы картинами или звуками, парализующими героев, лишающими их дара речи, храбрости, способности оценить или связно пересказать случившееся. Мы воспринимаем окружающий мир, утверждал он, только посредством наших пяти органов чувств или следуя догмам религиозного учения. Поэтому невозможно найти какой-либо предмет или явление, которые нельзя было бы описать, как совокупность реальных научных фактов, или объяснить с помощью правильных теологических построений — желательно конгрегационистских, какие бы ответвления основной концессии ни преподносили нам история и сэр Артур Конан Дойл.

С этим моим другом, Джоэлом Мэнтоном, мы всегда любили спорить. Он был директором Восточного колледжа в Бостоне — типичный представитель Новой Англии, самодовольный и невосприимчивый к таинственным нюансам жизни. Он был убежден, что эстетическое значение имеет лишь наш нормальный, объективный чувственный опыт, следовательно, задача художника — не столько нагнетать страсти, живописуя стремительную смену событий, экстаз или чудеса, сколько постоянно поддерживать спокойный интерес читателя к аккуратным, детальным описаниям повседневной жизни. Особенно возражал он против моего чрезмерного увлечения мистическим и необъяснимым, потому что, хотя сам и верил в сверхъестественное больше меня, ни за что не хотел признать, что оно вполне уместно в качестве объекта литературного исследования. Ему, педанту с практическим, логическим складом мышления, было трудно понять, что человеческий разум может находить удовольствие в том, чтобы отрешиться от повседневности, окунуться в мир непостоянных, изменчивых драматических образов, которыми привычка и усталость не дают нам насладиться в рамках тривиального бытия. Для него все вещи и чувства имели четко определенные размеры, свойства, причины и следствия. И, хотя в глубине души он понимал, что наш мозг иногда порождает видения и чувства, которые не так-то легко измерить, классифицировать и объяснить, он считал себя вправе ограничивать литературный

поиск, отметая все, что не в состоянии испытать и понять среднестатистический гражданин. Кроме того, он был почти уверен, что в действительности ничего «несказанного» не существует. Для него в этом не было смысла.

Я прекрасно понимал, что художественные и метафизические аргументы бессильны против самодовольства ортодоксального обывателя, что-то в сегодняшнем разговоре побудило меня пойти дальше нашей обычной пикировки. Разрушающиеся серые плиты, огромные деревья, старинные двускатные крыши патриархального городка, хранящего колдовские легенды, — все это вдохновляло меня, и я решил отстаивать свою литературную позицию, обрушив вскоре целую серию ударов на моего оппонента. Начать наступление было нетрудно, так как Джоэл Мэнтон и сам был отчасти привержен самым невежественным предрассудкам, которые чужды людям более развитым, — например, о том, что мертвецы могут вставать из могил и появляться в самых неожиданных местах или что старые окна хранят отражения лиц покойников, смотревших в них при жизни. Верить в нашептывания деревенских старух, утверждал я, — значит, допускать возможность существования духа вне его материальной оболочки или после ее разрушения. То есть это аргумент в пользу существования явлений, не объяснимых с точки зрения нормальных повседневных понятий. Потому что, если мы признаем, что покойник способен переносить через пол-мира или сквозь века свой зрительный и даже осязаемый образ, то как же можно отрицать, что покинутые дома населены духами или что на старых кладбищах живет бесплотный разум ушедших поколений? И если дух, во всех приписываемых ему проявлениях, не подчиняется законам материального мира, что же особенного в моем предположении о том, что души умерших продолжают жить, принимая определенные формы и образы или даже без них? И почему такие явления надо с тайным страхом и отвращением называть «несказанное»? Так называемый здравый смысл, мягко увещевал я, неприменим при рассмотрении этих феноменов, обращения к нему призваны лишь скрыть нехватку воображения и косность ума.

Вечерело, но нам не хотелось прерывать разговор. На Мэнтона мои аргументы, похоже, не произвели большого впечатления, и он намеревался опровергнуть их с присущей ему убежденностью в своей правоте, немало способствовавшей его преподавательским успехам. Я же чувствовал, что правда на моей стороне, и не собирался сдаваться. Сумерки густились, в отдаленных окнах стали зажигаться огни, но мы недвигались с места. Мы удобно устроились на старой плите, и я был уверен, что моего прозаически мыслящего друга не тревожат ни глубокая трещина в заастающем сорняками каменном надгробии рядом с нами, ни густая тень от построенного еще в семнадцатом веке, а ныне разрушающегося, безлюдного дома, стоявшего между нами и ближайшей освещенной дорогой. Итак, в темноте на разбитой могиле у заброшенного дома мы рассуждали о «несказанном», и когда мой друг истощил свой запас колкостей в мой адрес, я рассказал ему о некоторых фактах, по которым был написан один из моих рассказов, казавшийся ему особенно нелепым и смехотворным.

Эта вещь под названием «Окно на чердаке» была впервые опубликована 22 января 1922 года в «Уисперс». Во многих местах, особенно на Юге и на Западном побережье, журнал был изъят из продажи из-за жалоб некоторых слабонервных. Но в

Новой Англии обывателей трудно чем-нибудь пронять, они только пожимали плечами, читая мое невероятное повествование. Возражения же критиков против моего рассказа строились прежде всего на том, что все это невозможно по законам биологии. Очередная деревенская сказка, из тех, которые легковерный Коттон Матер занес в свою бессистемную Великую Американскую Христианскую энциклопедию, настолько недостоверная, что он даже не посмел точно назвать место, где ужасные события якобы происходили. А уж что касается моей интерпретации сделанного им наброска давней легенды, — так это уже не вписывается ни в какие рамки, типичный пример взбалмошного, витающего в облаках графомана. Матер хотя бы описал только факт рождения этого страшного существа. И только такой бульварный охотник за сенсациями, как я, мог додуматься до того, чтобы расписывать, как оно растет, заглядывает по ночам к людям в окна, прячется на чердаке дома, пока некто через столетие не заметил его там и не поседел от кошмарного зрелища, которое потом даже не смог описать. Все это — вопиющая безвкусица, повторял и мой друг Мэнтон. Тогда я рассказал ему, что среди бумаг моей семьи, жившей неподалеку от того места, где мы находились, я случайно нашел дневник 1706–1723 годов, подтверждающий мою историю. Также я давно знал о своеобразных шрамах на груди и спине одного из моих предков, и они были точно описаны в дневнике. Я упомянул и о страхах местных жителей, и о вполне реальном молодом человеке, сошедшем с ума после того, как он вошел в заброшенный дом, чтобы обследовать останки, которые, по его предположениям, должны были там находиться.

Это было жуткое происшествие — неудивительно, что чувствительные историки содрогаются, изучая нравы пуританской эпохи в Массачусетсе. На поверхности все было гладко, но если подумать о том, что происходило втайне от посторонних глаз, то даже самых незначительных свидетельств достаточно, чтобы обнаружить страшный, мучительный, гигантский гнойник. Охота на ведьм — это лишь луч, высвечивающий то, что творилось в головах у людей, в сравнении с чем даже вера в колдовство покажется пустяком. Не было красоты, не было свободы — об этом можно судить по архитектуре, предметам быта и сохранившимся проповедям тогдашних духовников. Но под ржавой смирительной рубашкой внешних приличий процветали уродства, извращения, сатанизм. Вот где действительно — «несказанное»!

В своей демонической шестой книге энциклопедии, которую лучше не читать после наступления темноты, Коттон Матер описывает тот кошмар, называя все вещи своими именами. Непреклонный, как ветхозаветный пророк, он невозмутимо поведал о животном, породившем на свет полуживотное-получеловека с бельмом на глазу, и о несчастном пьяном бродяге, которого повесили за то, что у него было такое же бельмо. Но смело описав этот факт, Коттон не пошел дальше. Может быть, он не знал, что произошло впоследствии, может, знал, но не смел сказать. Многие знали, но не смели говорить. Иначе как объяснить обилие сплетен о том, что некий бездетный, одинокий и озлобленный человек поставил серую плиту без надписи над обходимой всеми могилой и еще скрывал что-то под замком у себя на чердаке. Если собрать вместе все эти изобилующие недомолвками легенды, то и у самых отъявленных смельчаков волосы встанут дыбом.

Все это изложено в дневнике моего предка — все намеки и запретные предания о

чудовище с бельмом на глазу, которое видели ночью в окнах или на пустынных лужайках около леса. Что-то напало на моего предка на тропе через темную лесную долину, и с тех пор у него остались шрамы от рогов на груди и от когтей на спине, а когда обеспокоенные поселенцы рассмотрели отпечатки шагов в пыли, то обнаружили следы раздвоенных копыт и человекоподобных лап. Сохранился рассказ почтового курьера о том, что однажды, проезжая на заре мимо Медоу Хилл, он заметил на опушке какого-то старика, который звал и пытался поймать невиданное, невесомое существо; многие ему верили. И еще, когда в 1710 году тот зловещий старик умер, его похоронили в склепе за его собственным домом, неподалеку от установленной им безымянной могильной плиты. Если все это — досужие сплетни, то почему никто так и не решился открыть ведущую на чердак дверь, и дом остался пустым и необитаемым? А когда из покинутого дома доносился непонятный шум, все испуганно крестились и шептали, что замок на дверях чердака должен быть достаточно крепким. Однако их надежды не сбылись — однажды ночью чудовище ворвалось в дом священника, оставив после себя только обезображеные трупы. С годами предания утратили былую фактическую достоверность — по-видимому, это существо, если только оно действительно жило на свете, умерло. Но страшные легенды о нем остались, еще более страшные от того, что они считались запретными, и в них было столько неясного.

Постепенно мой друг Мэнтон притих, и я видел, что мое повествование произвело на него значительное впечатление. Когда я сделал паузу, он не рассмеялся, но совершенно серьезно спросил о том молодом человеке, который сошел с ума в 1793 году и которого я сделал главным героем своего рассказа. Я объяснил своему другу, зачем этот юноша пошел к заброшенному дому, заметив, что это должно было его заинтересовать, ведь он тоже верит, что старые окна сохраняют отражения тех, кто в них смотрел. Юноша хотел взглянуть на окна чердака, предания об обитателе которого наводили ужас на всю округу, и прибежал обратно с безумными криками.

Мэнтон задумался на минуту, но его аналитический ум не хотел сдаваться. Он был готов, изуважения к моим аргументам, допустить реальность существования некоего монстра, но оговаривался при этом, что даже самые жуткие природные аномалии не следует считать «несказанными» или научно необъяснимыми. Трудно было отказать ему в настойчивости и логике, но у меня в запасе было еще несколько свидетельств старожилов. Эти более современные предания описывали невероятные явления, более страшные, чем любое мыслимое создание природы: гигантские звероподобные существа, иногда видимые, а иногда только осязаемые, рыскали по ночам вокруг заброшенного дома и склепа за ним, вокруг безымянной могилы под серой плитой, из-за которой уже пробился росток. Эти ничем не подтвержденные предания по-прежнему наводят страх на стариков, но почти забыты последними двумя поколениями. Они не дают точных свидетельств о том, были ли подобные видения причиной гибели людей, но все же их не так-то легко сбросить со счетов. Более того, если теория признает, что душа — это психологический портрет человека, отражение его мыслей и чувств, то нельзя забывать, что любое отражение, в том числе и это, может быть искажено. Тогда какое же жуткое зрелище должно представлять собой искаженное отражение психики противоестественного монстра, чудовищной ошибки природы. Большое порождение мертвого мозга ненормального гибрида — не стал бы такой бестелесный кошмар тем самым «несказанным», во всей его отвратительной неприглядности?

Стало совсем темно. Бесшумная летучая мышь задела меня крылом. Должно быть, она коснулась и Мэнтона, я почувствовал в темноте, как он взмахнул рукой. Потом он спросил меня:

— А этот дом, с окном на чердаке, он все еще необитаем?

— Да, — ответил я. — Я был внутри.

— И вы нашли там что-нибудь, на чердаке или где-то еще?

— На чердаке под крышей были кости. Вероятно, их-то и видел тот юноша. Для чувствительного человека этого было бы вполне достаточно. Если все они принадлежали одному существу, то это действительно был монстр, который и в кошмарном сне не привидится. Было бы преступно оставить такие кости в этом мире, поэтому я вернулся туда с мешком, собрал их и отнес к могиле за домом. В надгробии была щель, и я спустил их туда. Не думайте, что это — мои причуды. Если бы вы их только видели! На черепе были четырехдюймовые рога, но при этом лицо и челюсть, как у нас с вами.

Наконец-то я почувствовал, что Мэнтон задрожал, придинулся поближе ко мне. Но его любопытство было неистребимо:

— А окна?

— Они не сохранились. В одном рама была вырвана целиком, в других уже не было ни куска стекла. Там старинные окна, шестиугольные, ячеистые, такие перестали делать еще в семнадцатом веке. Думаю, уже лет сто назад, или даже больше, там не оставалось стекол. Может быть, юноша перебил их в шоке, во всяком случае, предания ничего об этом не говорят.

Мэнтон задумался.

— Я бы хотел увидеть этот дом, Картер. Где он? Есть там стекла или нет, но его надо обследовать. И могилу, куда вы спрятали кости, и ту, другую, с плитой без надписи, — в этом наверняка что-то кроется.

— А вы его видели — до того, как стемнело.

Оказалось, что мой друг воспринял эту историю куда более серьезно, чем предполагал, просто до сих пор ему удавалось скрывать свое волнение. Однако от моего достаточно невинного театрального приема он вдруг нервно шарахнулся в сторону и отчаянно закричал, хрюпая, как будто его душили. К нашему ужасу, тут же последовал ответ. Это не было эхо, в темноте раздался скрип, и я понял, что открывается ячеистое окно в проклятом доме напротив нас. Я убежден, что это окно — на чердаке, в других рамы давно уже выпали или сгнили.

А потом со стороны ужасного дома налетел порыв тлетворного ледяного воздуха, и рядом со мной, над разбитой могилой человека и монстра, раздался пронзительный крик. В следующий момент я был сброшен наземь безжалостным ударом невидимого, непонятного, но реально осязаемого огромного существа. Я

лежал ничком на покрывавших кладбищенскую почву могучих корнях, вслушивался в глухой рокот и шумное дыхание и с ужасом представлял себе, какие еще бесчисленные легионы исчадий ада таятся в непроницаемой темноте. Пронесся сухой леденящий вихрь, затем послышался звук падающих кирпичей и глины. К счастью, я потерял сознание и был избавлен от дальнейших открытий.

Мэнтон, хотя он и меньше меня, оказался выносливее. Он пострадал куда больше, но глаза мы открыли одновременно. Наши кровати стояли рядом, и через несколько секунд мы уже знали, что находимся в больнице Святой Марии. Сгорающие от любопытства сиделки, собравшиеся вокруг нас, рассказали, как мы попали к ним, надеясь взамен услышать всю историю в подробностях. Оказалось, один фермер нашел нас в полдень на отдаленном лугу за Медоу Хилл, где, говорят, раньше располагалась бойня, примерно в миle от старого кладбища. У Мэнтона были две зловещие раны на груди и несколько менее серьезных порезов на спине. Я отделался только царапинами и ушибами, но очень своеобразными, а один из них напоминал отпечаток раздвоенного копыта. Было ясно, что Мэнтон помнит больше меня, но он ничего не сказал заинтригованным врачам до тех пор, пока не узнал, какие именно раны у него обнаружили. Тогда он рассказал, что на нас напал невероятно громадный бык, — но описать его или объяснить, откуда он появился, было невозможно.

После того, как врачи и сиделки ушли, я с затаенным страхом прошептал:

— Господи, Мэнтон, но что это было? Эти шрамы — он был похож... на то, о чем мы говорили?

Я был почти уверен в его ответе и уже ничему не удивился бы.

— Нет, совсем не то. Оно было кругом — как желе, как туман, но все время в разных формах; тысячи форм, за ними невозможно было уследить. Но я точно помню, там были глаза — и бельмо! Это яма — бездна, отвратительный кошар! Картер, это было что-то... несказанное.

Перевод: Т. Таланова
1993 год